

Шаман

В далёкой северной стране вечной мерзлоты высоко-высоко в горах зародился волшебный человек, прародитель всех шаманов севера Айунгхтыр Йонгхтль. Жилы рек Земли несли свои животворящие соки, током протекая чрез сердце шамана. Небосвод кружился в его голове, и всякий раз во время прогулки он оказывался всенепременно внутри самого себя. Он был столь вечен, что от повелений Айунгхтыра рожь на поле ложилась строго по направлению Силы его, вырастая невероятных размеров даже на почвах, где отродясь не росла никогда ранее. Он знал язык зверей, ведал смыслы птичьих криков, ничто ему никогда не угрожало и ничто его, казалось, не могло остановить или нарушить планов его воли и намерений его энергии.

К шаману тогда начал стекаться народ с просьбами о помощи, и он никому не отказывал в помощи, всем людям помогал. В один из прекрасных весенних вечеров, на закате, с последними лучами солнца, он танцевал в колосьях пшеницы потоки гармоничных линий и нитей, вычерчивая специально пропитанными губками, надетыми на ногах вместо калош или лаптей, таинственного свойства символы посредством собственных телодвижений и поворотов навыверт. Эти символы понимал только он сам. Веретено извивающегося тела шамана плавало по стыкам и склейкам пространств, открывая вечный, но ранее никем не замеченный, невидимый не разделяемый никакими лучами рисунок плетения жизни, как корзины. Шаман, достигая плетения себя собой, принимался всенепременно распадаться на мелкие крошащиеся части лучей солнечной колесницы, катаясь на ней в разные участки неба, как на космическом корабле.

Его бескомпромиссно непредрекимо безупречная пульсирующая энергия перекосилась в такт волеизъявлениям намерений мира, приобретая форму лестничных ступенек. Шаман, точно из подвала, подобрался по нитям информационных картинок, взбираясь постоянно лишь вверх да вверх, пульсируя по подобию окружающей атмосферы всего, становясь совершенно невозможным в этом синхронизированном соотношении с пластами чуждых самоотражений. Попадая в такт пульсирующим волокнам, он успевал заранее зацепиться за внешние ниточки, привнося единую несущую частоту сути вещей в ход нашей естественной истории, формирующий мир вокруг на временной ленте, закрученной сферой разнонаправленности.

Волшебный человек пробирался всё выше и выше, пока не оказался на самой вершине трубы, там, где высочайшее биение золотистых и

янтарных линий превращается в единые и неразделимые в своём целостном гуле вибрации, переходящие в пронзительно яркий и чистый белый свет, всепроникающий в каждый касаемый им угол объединения и всепоглощающий собственными объятиями контуры полос восприятия при погружении в пучины крутящихся калейдоскопически перекатывающихся цветастых иллюзий.

На самой вершине пронзительно чистого света шаман увидел существо, подобное солнечному шару со множеством человеческих рук, трепетно подсакивающих, будто резиновых, тянущихся к нему всеми тетивами внутренних сухожилий. Тогда он осознал, что не может по природе происхождения принадлежать ни к одному месту на планете. Если он решит остаться на том месте, где привычно живёт, то его сила будет неполной и односторонней, он нужен всему миру, он - гражданин всея Земли и её проекционных теневых отражений, а потому, чем больше по миру будет шаман путешествовать, тем более велика станет его сила. Спустился он в просветлении от собственного осознания на земную гладь, преисполнившись рисунчатой пустотой световых пушистых ковров и судьбоносных ниточек, накатывающих цвтами волн из будущего в прошлое, собрал необходимые пожитки и отправился в поход за собственной Силой.

Первым ему на пути попался древний старец, стоящий посреди дороги с двумя ведрами воды и пытающийся сдвинуть с места корову. Буренка упрямылась и наотрез отказывалась сдвигаться с места хоть на миллиметр. Старик же все лил да лил воду из ближайшего колодца в надежде, что корова, оказавшаяся посреди большой, просто огромной лужи почти что уже с целое озеро, обязательно подскользнётся и, встав с новыми силами, захочет продолжить путь подальше от этого мокрого места. Однако же логика старика не срабатывала вовсе и корова его не двигалась, тогда как неугомонный старик продолжал непримиримо и неустанно предпринимать свои многосотые по счёту безуспешные и ни к чему не ведущие попытки лить воду из вёдер под корову.

Шаман тогда согнал все планетарные ветры рукавами, пропустив через собственные поры тела торнадо и ураганы, сконцентрировав воедино порывы со всех мировых направлений, стран и сторон света. Созданные и собранные отовсюду ветры планеты надавили на земную поверхность, заскользила магма под корой, взорвались вулканы извержениями, прошли мощные цунами по океанским побережьям на всём восточном континенте, сдвинулась земная ось, и тогда только корова не выдержала инерции, порождённой импульсами землетрясений, и галопом со всех тонких копытчатых ног заскользила

сразу же в направлении собственного коровника, оставив далеко позади пританцовывающего от счастья своего хозяина-старика.

Шаман встал посреди поля, всё разгоняя и разгоняя ветерок, расправляясь и распластываясь, подобно гигантскому полчищу саранчи, трепеща в своём распространении по образу качественного смычка из конского волоса или уподобившись яркому перу из хвоста павлина, приподнятому вдруг от испуга, испытанного при виде торчащих из ближайшего куста острых куриных когтей. Всё это время вокруг шамана расходились шарообразные пузыри раскалённого вулканами жара, а Айунгхтыр всё знай себе пританцовывал да прыгал, крутясь игрушечным электромотрчиком в своём неистовствующем буйстве эгрегориального экстаза. На него сходили лучшие осознания, он слил свой разум с вечными осями бытия, десятками тысяч чужеродных рассудков и видений. И эти маленькие самосознания жили на толстом теле Айунгхтыра Йонгхтыля лунно-дымчатой пеленой, уплотняя его оболочку, законопачивая его кокон и ощущая влияния на жизнь даже в самых отдаленных уголках недосыгаемой невообразимости парадоксов, не забывая издавать звон конвульсивных волн, вздрагивающих подобно рыбе, вытащенной из воды на поверхность воздушных масс.

Жужжание гулких вибраций уносило волшебного человека, передаваясь из ниоткуда приоткрытыми каналами, словно бы соединёнными круговертью колец сознаний всех форм разума в космосе. Шаман просто поймал волну, он забрался на острие проталины из чисел и смыслов мира в многозначный гул разума всех существ и объединился в мозаику из их иллюзорных лабиринтов частичной проявленности естеств одним общим великим осознанием, тогда как все черепичные, тропические и переливчатые пространства вобрали в себя связующие их цепи, которыми выстраивалось понимание колдовского времени и пространства. Мир безграничных возможностей без разума, мир абсолютной свободы, которой далеко не каждый знает, как распорядиться.

После собирания себя вникуда он направился дальше. По дороге шаману встретился ещё один человек. Человек был очень смелым и в котелке, а за спиной, конечно же, он носил ранец, ежесекундно напоминая человеку, что тот должен быть обижен на целый мир и не переставать постоянно жаловаться на всё подряд, причём даже ночью во время сумбурных, спутанных и беспокойных снов. Айунгхтыр согласился, что природа человека и впрямь обидела, раз тот обижается на целую планету, а также и на всё своё существование. Но обидела его

природа всего лишь одной-единственной вещью: обделила разумом и чувством. Попытки разума всё-таки зародиться в черепной коробке человека в котелке делали этого человека ещё более несчастным, чем обычно, а то единственное, на что он оказывался способен в результате чуда самозарождения разума в голове - это концентрироваться на себе и только на себе самом и больше ни на ком ещё другом.

Шаман заявил, что так уж и быть, он сделает этого человека с ранцем счастливым. Произнёс так - и лишил, пожалуй, самого печального жителя планеты даже тех немногочисленных остатков разума, которые этому любителю подперссовать принадлежали от природы. Человек увидел перед собой сияющие лучами врата познания и, наконец-то, впервые за свою жизнь, он улыбнулся, обретя покой и просветление в обмен на здравый рассудок. Человек тот стал внеземным и отправился проповедовать новое учение о спасении, только что накорябанное им на скорую руку кривыми загогулинами поверхности мятой бумажки блокнотика. Счастье жить имело своё укромное местечко две недели, искажая линию жизни, научившую отныне человека искать пути в бесконечную вечность бытия.

В дальнейшем путешествии к восхождению Айунгхтыра по сучковатым извилистым толстокорым ветвям Мирового Древа, пропахшего окаменением древности, шаману попались люди, жившие на озере. “Наши дома затопило”, - пожаловались они волшебному человеку, и тогда тот призывал к исполнению предначертанных обязанностей свое резиновое надувное многорукое солнце, и оно ослепило воду в озере, обратившемся в пар и, поднявшись ввысь в виде облака, улетевшем за горизонт в поисках новых людей и новых наводнений.

Айунгхтыр Йонгхтль вдруг обратился тогда в пустыню, повсюду растрескалась почва его сухой и морщинистой кожи. Он стал обиталищем для целых народов, слившись с природой их государств. Люди снова принялись жаловаться, что нет у них воды отныне да нет рыбы, ни питья, ни еды, всей жизни у них нет теперь. “Так что же вам нужно всем?” - удивился Айунгхтыр. - “Научитесь уже ценить то, что имеете, да только используйте это с умом”, - с этими словами шаман подарил людям золотые весы мартышек, предназначенные, как известно, для уравнивания мозгов картошкой и растворился в воздухе.

Ветер унес его дальше. Прослышал однажды волшебный человек, что гигантский кракен разбивает вдребезги суда в море. Тогда шаман, решив помочь бедолагам справиться с чудовищем, отрастил себе клюв

и щупальца, бросившись на изучение образа жизни гигантских кальмаров. Когда на горизонте показывалось судно, то он обязательно первым среди всех гигантских кракенов старался разбить в щепки это судно об острые камни, всегда опережая любого кальмара, даже самого сильного, быстрого и смелого, давалось это занятие Айунгхтыру легко и приятно. Оно и понятно - он же шаман.

Корабли досками взвивались с морскими брызгами в выси вышние да дали дальние, рассыпаясь об острые камни, точно яйца крокодила, а шаман зато всегда имел возможность ознакомиться со всем содержимым, годами скрытым внутри кораблей, а теперь вот вспученным с морской пеной наружу на гребни волн. Смотрящий на такое дело настоящий гигантский кракен испугался, отступил, уменьшился в размерах и, похудев малость от огорчения потери первенства на море, превратился в обычного кальмара. Конечно же, этого маленького кальмарика люди тут же поймали, законсервировали в баночку, и кто-то из нас, возможно даже съел его в салатике на ужин или в квасе с йогуртом - это уж кому как больше нравится, абсолютно не подозревая о том, что это и есть тот самый ужасный многозначительный гигантский кракен, гроза морей и океанов, некогда ранее самый крупный из кракенов на всей Земле.

Псевдо-кракен Айунгхтыр после одержанной победы - да и разве могло у него быть иначе? - выпрыгнул на берег, прицелился щупальцами, как трезубцем Нептуна, в землю и крепко-накрепко врос в неё. Постепенно его вклиненная между гранитов материковых плит туша обрела покой и дубовую неподвижность, глаза превратились в зацикленно-округлые можжевеловые сучки, щупальца открыли новые для них функции корней секвой. Так появилось кальмаровое волшебное дерево, вторя Мировому Древу, к вершинам кроны которого шаман карабкался всю свою жизнь, пока сам не стал деревом. Его новое дерево проросло сквозь горы и леса, вгрузаясь своей корой через кору земную, магму и плазму вглубь планеты до самого ядра Земли, превращаясь тропами воли движения некогда кальмаровой тушки в разнообразные неведомые и невидимые силы, а то скалы, то в необыкновенные явления, аномальные зоны и геопатогенные расколы.

Преобразования всех видов и форм существования шамана виделись стороннему наблюдателю бесконечными, пока не оказалось, что естество Айунгхтыра пронизывает всё на планете, все направления и все ландшафты как по параллелям, так и по меридианам, как по земным, так и по внеземным. Шаман ежесекундно праздновал взаимопроникновение в каждую каплю озёр и рек, в каждую жилу

зверя, в каждый цветок и каждый камень, в каждую пылинку тумана и каждое ночное уханье филина.

Шаман расстался со своими нитями, прорастая через материю ко времени, как через тернии к звёздам, и все тогда поняли, что этот престарелый кальмар с корнями вместо щупалец - это всё, что осталось в жизни каждого человека на Земле и всё, что, по сути дела, каждый из людей, в конечном итоге, оставит после себя как результат всей своей не такой уж и долгой жизни по сравнению с жизнью мирового кальмара, дерева и шамана, единого в трёх своих ипостасях.

*Белоусов Роман,
23 декабря 2012 года*